

Кожевникова Людмила Михайловна

РОЛЬ КРЕСТЬЯНСКОЙ ОБЩИНЫ В АГРАРНОЙ ИСТОРИИ И СУДЬБЕ РОССИИ

Статья раскрывает происхождение и эволюцию русской общины. На научном материале в исторической динамике проводится исследование естественно-исторического процесса изменения характера и функций общины. Автор обосновывает дуализм крестьянского права, акцентирует внимание на процессе формирования коллективного начала в общинном устройстве и показывает его роль в национальных традициях аграрных отношений российской цивилизации.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2011/7-3/23.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2011. № 7 (13): в 3-х ч. Ч. III. С. 85-90. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2011/7-3/

© Издательство "Грамота"

Информацию о том, как опубликовать статью в журнале, можно получить на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

**SOCIAL MOVEMENT WITHIN SOUTH-WEST REGION
IN GOVERNOR-GENERAL D. G. BIBIKOV'S ESTIMATIONS (1838-1852)**

Anna Sergeevna Kirichek

*Department of Russian History
Russian State Pedagogical University named after A. I. Gertsen
anetkir@rambler.ru*

The author describes social movement within South-West region in Governor-General D. G. Bibikov's estimations, pays special attention to the analysis of the social movement reasons which was conducted by D. G. Bibikov and shows that the high-ranking official's views on the reasons of the social movement remained essentially unchanged over 1838-1852 unlike his estimations of its activity degree.

Key words and phrases: South-West region; Governor-General; D. G. Bibikov; social movement; the Polacks.

УДК 941(47+57)

Статья раскрывает происхождение и эволюцию русской общины. На научном материале в исторической динамике проводится исследование естественно-исторического процесса изменения характера и функций общины. Автор обосновывает дуализм крестьянского права, акцентирует внимание на процессе формирования коллективного начала в общинном устройстве и показывает его роль в национальных традициях аграрных отношений российской цивилизации.

Ключевые слова и фразы: аграрные отношения; национальные традиции; община; менталитет; правовой дуализм; коллективное начало; индивидуальное начало.

Людмила Михайловна Кожевникова, к.и.н., доцент

Кафедра экономики и управления

Российский государственный социальный университет (филиал) в г. Красноярске

lyudmila.kozhevnikova@mail.ru

РОЛЬ КРЕСТЬЯНСКОЙ ОБЩИНЫ В АГРАРНОЙ ИСТОРИИ И СУДЬБЕ РОССИИ®

Уникальность каждой отдельно взятой цивилизации формируется в рамках мирового сообщества под влиянием внешних воздействий, но на основе национальных традиций. Эти традиции накапливаются веками и находят отражение в историческом опыте аграрной эволюции, менталитете отечественного крестьянства. Поэтому их изучение имеет методологическое и практическое значение для преобразований в сельском хозяйстве на современном этапе. Одной из важнейших национальных особенностей российской цивилизации является первичность коллективного начала, берущего начало в крестьянской общине. Именно в ходе ее эволюции складывался самобытный тип хозяйствования в аграрной сфере страны, и в ней, как в капле воды, отражалась вся многосторонняя жизнедеятельность отечественного крестьянства.

Поэтому *цель данной статьи – исследование особенностей эволюции русской общины для извлечения уроков из земледельческого труда прошлого, которые могут быть использованы в современных условиях и в обозримом будущем.*

В связи с этой целью автором было изучено теоретическое и историческое наследие ученых по вопросам происхождения, характера и эволюции общины. В обширной историографии, в которой так или иначе затронуты указанные проблемы, можно выделить исследования В. А. Александрова [2], В. Л. Берсенева [3], В. П. Данилова [5], Л. В. Даниловой [6], В. В. Кабанова [9; 10], К. Р. Качоровского [11], Л. В. Милова [12], А. А. Никонова [13] и др. Научные достижения историографии послужили базой для проведения исследования и оценки влияния традиций общинного устройства на социально-экономическое развитие страны.

Приступая к анализу поставленной проблемы, следует подчеркнуть, что община не являлась исключительно русским явлением. Это одна из древнейших форм оседлого земледельческого населения еще в условиях родо-племенных отношений. В древнейшей эволюции произошла трансформация родовой общины в соседскую, основанную уже по экономическим интересам. Но ее роль и значение в хозяйственной жизни непосредственных производителей формировались в конкретных типах цивилизаций: от сплоченной восточной до парцеллярной античной. Вполне естественно, что и в отечественном варианте отражались исторические особенности развития страны в целом.

Традиции общинного коллективизма российской цивилизации имеют глубокие корни, истоки которых определяют природная среда и духовно-нравственные основы народа. Огромная неосвоенная территория Восточно-Европейской равнины, где расселились племена восточных славян, при небольшой плотности

населения позволяла вовлекать в хозяйственный оборот новые земли, а не стремиться к нововведениям, что способствовало закреплению на длительный период экстенсивного типа хозяйствования. Сложность выживания в суровых природных условиях, необходимость освоения дремучих лесов требовали усилий большого коллектива. В условиях хозяйствования в ареале проживания крестьянская семья не могла существовать автономно. Совместное выполнение работ по введению в оборот новых земель, при строительстве инфраструктуры, а также оказание помощи попавшим в беду односельчанам формировали сплоченный коллектив и социальные взаимоотношения в нем, основанные на поддержке и взаимопомощи всего мира. В мирском землевладении накапливался опыт природопользования и аграрного производства. По выражению Л. В. Даниловой и В. П. Данилова, «именно общинная ментальность крестьянства определяла менталитет общественного целого» [7, с. 22]. Л. В. Милов в своей монографии на колоссальном фактическом материале показал влияние природного фактора на характер великорусского крестьянства и сделал вывод, что утвердившаяся психология большинства превалировала над естественной тягой к частному способу ведения хозяйства у меньшинства, что препятствовало вызреванию сколько-нибудь твердых традиций частной собственности [12, с. 571].

К существенным факторам, повлиявшим на упрочение коллективного начала, относятся религиозно-культурные ценности нации. С христианством восточного варианта в народной среде культивировались идеалы социальной справедливости, патернализма, почитания старших и уважения обычаев и традиций, заложенных предками. С этими особенностями русская община более близка к восточному варианту, чем к западному, что обусловило ее большую прочность и своеобразное влияние на эволюцию аграрных отношений.

Важную роль в ходе естественно-исторического процесса изменения характера и функций общины играло формирование видов крестьянского права – коллективного и индивидуального. Коллективное право в правосознании русского крестьянства связано с отношением к собственности на землю. На начальном этапе периода образования Киевской Руси при значительном избытке земельных ресурсов свободные общинники могли иметь земли столько, сколько были в состоянии обработать силами своей семьи. При таком землепользовании не было ни обязательной уравниловки, ни земельных переделов, и самое главное – строгой регламентации производственных отношений. На более поздних стадиях с увеличением количества вотчин и феодальных владений, выделяемых князем в кормление дружинникам, вся земля сельхозпроизводителей постепенно ограничилась территорией общины. С ростом населения и постоянным процессом выделения взрослых детей из семьи возникала необходимость производить переделы участков. Дореволюционный ученый К. Р. Качоровский, детально изучивший этот процесс, отмечал, что постепенно крестьянское землевладение из неограниченного семейно-захватного трансформировалось через ограниченно-захватное и общинно-отводное в общинно-передельное. Подобная эволюция, по его мнению, «представляет чистую или почти чистую внутриобщинную эволюцию обычного крестьянского права» [11, с. 202-203].

Вопросами распределения земельных участков, сенокосов и пастбищ для скота между семьями во временное пользование, установлением границ между ними ведало крестьянское самоуправление – мирской сход. Поскольку переделы и новое распределение между членами мира происходили периодически, роль мирского самоуправления в контроле за землепользованием и в общинном землевладении в целом повышалась. Из этой эволюции и возникло коллективное право на землю. В его рамках сложились представления о том, что земля «божья», как воздух, как вода, а право владения ею принадлежит коллективу. На особенность крестьянского восприятия о принадлежности земли богу, а стало быть, обществу в целом, обращали внимание исследователи отечественного крестьяноведения [7, с. 26]. Коллективное право на землю исключало сделки с землей в виде ее купли-продажи.

Параллельно с признанием преимущественных прав общины в отношении земли в менталитете крестьян сформировались понятия личного права. В характере русского народа исторически сложились представления о том, что физический труд конкретного человека – это его личный труд, поэтому все, что является результатом этого труда, естественно, принадлежит ему. Из сути этих представлений утвердилось отношение к собственности на труд и на произведенный продукт как к собственности, лично ему принадлежащей. О. Ю. Яхшиян на основе изучения дореволюционной историографии сделал вывод: «Русской крестьянской ментальности архитипически присуще представление о труде как о первоисточнике имущественных прав» [16, с. 100]. Крестьяне даже в условиях крепостничества, в силу своих хозяйственных возможностей, пользовались личным правом на произведенный продукт.

Эволюция коллективного и личного права в рамках общины позволяет обозначить уже на ранних стадиях развития аграрных отношений рождение проблемы правового дуализма. М. А. Вылцан из анализа русских народных пословиц и поговорок, собранных В. Далем и И. Иллюстровым, сделал вывод, что коллективизм относился к владению землей, из чего возникло и постепенно утвердилось «негативное отношение крестьян к помещицкой или вообще всякой частной собственности на землю», а индивидуализм крестьян – к трудовому процессу и к результатам труда [4, с. 339, 341].

Таким образом, можно констатировать, что с эволюцией крестьянского права в хозяйственной деятельности непосредственных производителей сложилось сочетание коллективного и индивидуального начал. Это сочетание и являлось выражением национального отличия российского государства как социокультурной системы, сформировавшейся на стыке восточной и западной цивилизаций, и наложило отпечаток на развитие аграрных отношений. Но в исторических условиях России, в совокупности с природными особенностями и религиозно-культурными традициями, коллективное начало превалировало в правосознании крестьян. В этой связи важное научное значение для исследователя приобретает задача показать, какие силы поддерживали его в экономике сельского хозяйства.

С упрочением крепостничества и развитием форм феодальных повинностей община брала на себя попечение над малоимущими семьями, сиротами, одинокими стариками, несла ответственность за выполнение каждой отдельной семьей установленного феодалом натурального оброка в полном объеме. Все члены мира были обязаны внести свою долю в страховой фонд из собранного урожая – общий запас на случай непредвиденных ситуаций. Так постепенно оформилось понятие круговой поруки. Вполне естественно, что основная часть крестьянства являлась той силой, которая поддерживала традиционный уклад деревенской жизни.

С образованием русского централизованного государства и с изменениями политического и социально-экономического устройства страны по сравнению с древним периодом появились новые силы, которые были заинтересованы в сохранении коллективного начала в сельской общине: государство и дворянство.

Заботой верховной власти было изъятие прибавочного продукта у непосредственных производителей, регулярное пополнение казны и перераспределение доходов на развитие отраслей, способных обеспечить экономический прогресс страны. Это, прежде всего, необходимость строительства путей сообщения для развития единого внутреннего рынка, возведение заводов и фабрик с целью придать импульс промышленному производству. При практически полном отсутствии внешних источников накопления первоначального капитала налоговое бремя тяжким грузом легло на плечи крестьянства. Его положение усугубилось форсированием исторического процесса для преодоления экономического отставания от западноевропейских стран. Путь «догоняющего развития», избранный Петром I, предполагал создание армии, способной обеспечить России выход к мировым торговым путям, и приток внешнего капитала для ускоренного развития индустрии. В 1718 г. император реформировал систему налогообложения – подворная подать была заменена подушной. Широкое распространение получила государственная практика использования принудительного труда. По Указу Петра I с 1721 г. фабрикантам разрешалось приписывать крепостных к промышленным предприятиям. Таким образом, государство создало разветвленную систему изъятия не только прибавочного, но и необходимого продукта труда сельхозпроизводителей.

Эксплуатация крестьянства усиливалась правящим сословием. С юридическим оформлением крепостного права дворянство получило полное право на население, проживающее на поместной земле. В лучшие агротехнические сроки крепостные должны были отработать барщину на земле хозяина и рассчитаться по установленным нормам натурального оброка. Большинство помещиков не желали переходить на интенсивные методы хозяйствования, поэтому для поддержания доходности поместья зачастую использовали самые грубые формы эксплуатации. Законодательное закрепление произвола дворян по правовым нормам XVIII в. сочеталось с бесправным положением крестьян. Право владения крепостными расширилось Указами: в 1765 г. – о разрешении ссылать крестьян на каторгу; в 1767 г. – о запрещении крестьянам подавать челобитные на помещиков под угрозой ссылки на каторгу; в 1792 г. – о причислении крепостных людей к недвижимым именным помещиков наравне с другими принадлежностями. За царствование Екатерины II помещикам было роздано 850 тыс. крестьян [8, с. 172]. При этом нельзя не отметить тот факт, что жестокая эксплуатация крестьянства совмещалась с государственным и помещичьим патернализмом, который проявлялся в оказании необходимой материальной поддержки в случае неурожая, стихийных бедствий, падежа скота и т.д. Однако данные факты не изменяли общей политики усиления деспотии в отношении крепостных. Логическим следствием происходящих процессов стали кардинальные изменения в устройстве общины, в системе аграрных отношений и в экономике страны в целом.

Государство и представители правящего сословия искусно манипулировали традиционными общинными порядками и использовали их на мобилизацию средств для модернизации страны и личных потребностей незначительной части населения – дворянства, численность которого в 1833 г. насчитывала 127,1 тыс. чел., что с членами семей составляло 1% населения страны [1, с. 66]. Круговая порука защищала отдельные семьи от разорения, поэтому с усилением налогового пресса коллективизм являлся основной формой социальной защиты человека и обеспечивал ему выживание. Община и мир следили за тем, чтобы зажиточные хозяйства не скрывали свои доходы. В менталитете крестьян стали превалировать уравнилельные традиции. На фоне скудного экономического быта и отсутствия отдачи от результатов модернизации страны в сельском хозяйстве наряду с трудолюбием соседствовали безразличие, лень и пьянство.

Консервация традиционного деревенского уклада жизни привела к аграрному перенаселению. Различные аспекты этой важнейшей проблемы нашли достаточно полное отражение в отечественной историографии. В. Л. Берсенев в своем исследовании приводит ссылки на позицию представителей власти, которые придерживались мнения, что «промышленность не сможет обеспечить работой всех покинувших общину, поскольку ее рост зависел от покупательной способности «главной массы населения» – того же крестьянства» [3, с. 38]. Нельзя не согласиться с тем, что на протяжении всего XVIII в. развитие фабрично-заводского производства в России шло медленными темпами. Даже в первой половине XIX в., когда наметился его подъем, промышленность страны была неспособна обеспечить создание миллионов рабочих мест для потенциальных мигрантов из села. Поэтому массовая мобилизация крестьянства из деревни в город, по версии правящих кругов, неизбежно вызвала бы массовую пауперизацию. Примером являлся процесс огораживания и сгон крестьян с земли в Англии в период первоначального накопления капитала. Верховная власть и большинство дворян России, исходя из своих интересов, искусственными методами продолжали сдерживать процесс выхода желающих из общины, объясняя эту политику вышеуказанными причинами. Однако она имела иные, чем в Англии, но не менее, по мнению автора, негативные последствия.

С аграрным перенаселением в европейской части страны возникла острейшая проблема малоземелья, которая инициировала ужесточение передельного механизма в общине. В этих условиях крестьянское хозяйство уже не имело возможности развиваться вширь. Казалось бы, с этой проблемой появилась экономическая необходимость к переходу от традиционно сложившегося экстенсивного типа хозяйствования к интенсивным методам ведения аграрного производства. Но ограниченные возможности крестьянского хозяйства в сочетании с суровыми природно-климатическими условиями и с примитивной сельскохозяйственной техникой и самодельным инвентарем препятствовали совершенствованию аграрной технологии. В данном контексте нельзя не согласиться с мнением В. Л. Берсенева: «Передельный механизм препятствовал самому главному процессу в рамках европейской традиции землепользования – формированию оптимальных размеров хозяйств и повышению культуры производства» [Там же, с. 33].

Исходя из этого, можно сделать вывод, что в этих условиях становилось вполне очевидным усиление мощной преграды общинного землепользования на пути преобразования аграрной сферы и в сдерживании экономического прогресса в стране в целом. Тем не менее правительственные круги, представляющие интересы дворянства, по-прежнему, несмотря на очевидность нарастающего кризиса, препятствовали модернизации традиционно сложившегося уклада в общине. Но в данном контексте важно принимать во внимание тот факт, что большинство крестьян сами не желали выходить из общины. Правосознание российского крестьянства кардинально отличалось от менталитета английского крестьянина. При сложившихся традициях общинного коллективизма и социальной защищенности сельское население России объективно не могло порвать с крестьянским миром, что и подтвердилось в дальнейшей эволюции и реформировании аграрных отношений. Поэтому можно согласиться с Л. В. Миловым, который считает, что единственно возможный путь решения аграрного перенаселения исторической территории Русского государства в тех условиях – отток «населения на новые территории в поисках более пригодных пашенных угодий» [12, с. 566]. Путь экстенсивного освоения необжитых земель империи с первой половины XIX в. и проводился правительством с целью решения проблемы аграрного перенаселения.

Реформой 1861 г. были сняты ограничения по выходу из общины. Положением 19 февраля разрешался выход из нее без согласия всего мира при условии погашения выкупных платежей за землю. Но непоследовательность, половинчатость реформ, проводимых царским правительством, и объективное наследие крепостничества, которое отложилось в традициях населения, не изменили сути общинного устройства крестьянской России. Прежде всего, следует подчеркнуть, что реформа не затронула интересы помещичьего землевладения. В. П. Данилов отмечал, что дворяне не только сохранили свое землепользование, но даже увеличили его. У крестьян была отрезана часть их лучших земель. По Европейской России отрезки составляли в среднем 20% всей надельной, как правило, лучшей земли [5, с. 9]. Кроме этого, реформа фактически не могла отменить устойчивый принцип круговой поруки. Большинство крестьян негативно относилось к своим предприимчивым соседям и к их попыткам досрочно выкупать наделы. По этому поводу А. А. Никонов сделал вывод: «Никакой существенной свободы крестьянин не получил. Вместо прикрепления к помещику он стал прикрепленным к общине. Первые девять лет после акта 19 февраля 1861 г. крестьянин не имел права отказываться от надела. Выход из общины был практически невозможен. Все повинности за выходящего должны были исполнять оставшиеся члены общины» [13, с. 78].

В период контрреформ Александра III царское правительство, по сути, вернулось к дореформенной политике управления общиной, что подтверждается историческими фактами. При крепостном праве переделы земли проводились от ревизии к ревизии (с 1719 по 1857 г. было 10 ревизий), после реформы они стали гораздо чаще. В 1886 г. были ограничены земельные наделы. В 1889 г. введен институт земских начальников из числа помещиков, получивших практически неограниченную власть над крестьянским миром. И, наконец, с 14 декабря 1893 г. выход стал возможен только при согласии общины [Там же, с. 78-79]. По указанным выше причинам это было практически невозможно. Кроме этого, при сохранившейся проблеме малоземелья по новому положению Устава Крестьянского поземельного банка в 1895 г. были введены ограничения на выдачу денежных ссуд, размер которых стал определяться установленными земельными нормами для каждой местности.

Эта политика усугубила комплекс противоречий, которые веками накапливались в общинном устройстве. Сложившиеся методы аграрных отношений соответствовали интересам дворянства, но постепенно вызвали обострение крайностей и социальных контрастов. Благородное и образованное сословие не могло подняться выше своих корпоративных интересов и осознать, что в большинстве населения, которое обеспечивает ему богатство и привилегии, постепенно накапливаются силы, способные лишить их ими же завоеванных привилегий. В государстве назревали противостояние политических сил и революционные настроения. Не из понимания правительством и дворянством сути социально-экономических проблем страны, а под давлением необходимости вопросы о судьбе общины встали на повестку дня.

Аграрная реформа начала XX в. связана с именем одного из виднейших реформаторов в истории страны – П. А. Столыпиным. Она предусматривала разрешение свободного выхода крестьян из общины. Но в результате три четверти сельского населения в ней остались. Это означает, что они сохраняли сложившиеся традиции коллективизма и приверженности обычаям. Интересы этой части крестьянства в проведении уравнительного распределения земли не были удовлетворены. Поэтому преобразования реформатора не сгладили противоречий между идеями частной собственности на землю меньшинства и указанными чаяниями бедняцко-средняцкого большинства. Эта проблема обострилась в период Первой мировой войны, после Февральской революции 1917 г. и стала одной из главных причин Октябрьской революции.

На первом этапе после революции Советская власть вынуждена была считаться с общиной и опираться на нее в решении текущих хозяйственных вопросов в деревне. По Земельному кодексу 1922 г. наряду с предоставлением права единоличного хозяйствования закреплялась общинная форма собственности [14, с. 156-179]. Значение роли общины в начальный период советской истории оценивал знаток крестьяноведения В. П. Данилов. Он писал, что земельное общество осуществляло управление землепользованием и регулирование поземельных отношений своих членов [5, с. 41]. Исходя из этой роли, С. П. Трапезников придерживался мнения, что революция превратила земельные общества в опорные пункты социалистического преобразования сельского хозяйства страны [15, с. 386]. Однако исторические факты не подтверждают данный вывод. Постепенно государство стало ограничивать функции общины в земельно-хозяйственной сфере, а особенно в переделе и распределении помещичьей земли среди крестьян. Связано это с началом процесса коллективизации и активизацией политики против зажиточного крестьянства. Кулаки были лишены права голоса на выборах в Советы, но они входили в состав общины, которая предоставляла всем равные права в решении хозяйственных вопросов. Экономическая независимость и материально-техническая обеспеченность значительной части хозяйств представителей кулачества давали им возможность оказывать давление на бедняков и середняков, принимать решения в свою пользу при распределении имущества конфискованных имений и тем самым противостоять советским органам власти. В целом община стояла на защите интересов мелкой крестьянской собственности. Именно поэтому с 1927 г. началось юридическое подчинение земобществ сельским Советам, нажим на них при проведении хозяйственно-политических кампаний. В 1928 г. ВЦИК СССР утвердил «Общие начала землепользования и землеустройства», по которым в области землеустройства и решения финансовых вопросов община должна была подчиняться сельсовету. А 30 июля 1930 г. ВЦИК и СНК СССР приняли решение распустить общину и передать ее функции сельсоветам и колхозам [14, с. 299-307].

Учитывая вышеперечисленные исторические факты, В. П. Данилов высказал точку зрения о том, что крестьянская община не соответствовала социалистической реконструкции сельского хозяйства и, соответственно, не стала переходной ступенью к колхозу [5, с. 143-148]. Этому же мнению придерживался и В. В. Кабанов, который считал, что община не была приспособлена к решению задач коллективизации [10, с. 104, 143-144]. Изучение проблем взаимоотношений местных Советов и земельных обществ и процесса коллективизации сельского хозяйства дает основания утверждать, что не верно отождествлять общину и колхоз. Но при этом следует признать, что навыки жизни и труда в общине облегчили крестьянству адаптацию к колхозно-совхозной системе, которая поддерживалась на протяжении всего периода советской истории.

Подводя итоги исследования роли крестьянской общины в аграрной истории и судьбе России, можно сделать вывод, что ее разрушение не означало отмирания общинных традиций. Коллективизм приобрел устойчивый и ярко выраженный характер в менталитете крестьян, и эту национальную особенность необходимо учитывать в реальной практике аграрных преобразований современности.

Список литературы

1. **Аграрные отношения: теория, историческая практика, перспективы развития** / И. Н. Буздалов, Э. Н. Крылатых, А. А. Никонов и др. М.: Наука, 1993. 270 с.
2. **Александров В. А.** Сельская община в России: XVII – начало XIX в. М.: Наука, 1976. 320 с.
3. **Берснев В. Л.** Исторические особенности реформирования аграрных отношений в России. Екатеринбург: УРО РАН, 1994. 136 с.
4. **Вылцан М. А.** Индивидуализм и коллективизм крестьян // Менталитет и аграрное развитие России: XIX-XX вв.: материалы международной конференции (Москва, 14-15 июня 1994 г.). М.: РОССПЭН, 1996. С. 334-347.
5. **Данилов В. П.** Советское крестьянство: краткий очерк истории: 1917-1970 / под ред. В. П. Данилова и др. Изд-е 2-е, доп. М.: Политиздат, 1973. 592 с.
6. **Данилова Л. В.** Сельская община в средневековой Руси. М.: Наука, 1994. 318 с.
7. **Данилова Л. В., Данилов В. П.** Крестьянская ментальность и община // Менталитет и аграрное развитие России: XIX-XX вв.: материалы международной конференции (Москва, 14-15 июня 1994 г.). М.: РОССПЭН, 1996. С. 22-39.
8. **Ильин В. В., Ахизер А. С.** Российская государственность: истоки, традиции, перспективы. М.: Изд-во МГУ, 1997. 384 с.
9. **Кабанов В. В.** Крестьянская община и кооперация России XX в. / Рос. акад. наук; Ин-т рос. истории. М.: ИРИ, 1997. 155 с.
10. **Кабанов В. В.** Октябрьская революция и крестьянская община // Исторические записки. М., 1984. Т. 111. С. 100-150.
11. **Качоровский К. Р.** Русская община: возможно ли, желательна ли ее сохранение и развитие? Изд-е 2-е. М.: Типо-литография Русского товарищества, 1906. 362 с.
12. **Милов Л. В.** Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. М.: РОССПЭН, 1998. 573 с.
13. **Никонов А. А.** Спираль многовековой драмы: аграрная наука и политика России: XVIII-XX вв. М.: Энциклопедия российских деревень, 1995. 574 с.
14. **Сборник документов по земельному законодательству СССР и РСФСР: 1917-1954.** М.: Госюриздат, 1954. 720 с.
15. **Трапезников С. П.** Ленинизм и аграрно-крестьянский вопрос: в 2-х т. Изд-е 3-е, доп. М.: Мысль, 1983. Т. I. Ленинские аграрные программы в трех русских революциях.
16. **Яхшиян О. Ю.** Собственность в менталитете русских крестьян // Менталитет и аграрное развитие России: XIX-XX вв.: материалы международной конференции (Москва, 14-15 июня 1994 г.). М.: РОССПЭН, 1996. С. 92-105.

PEASANT COMMUNITY ROLE IN AGRARIAN HISTORY AND RUSSIA DESTINY

Lyudmila Mikhailovna Kozhevnikova, Ph. D. in History, Associate Professor
Department of Economics and Management
Russian State Social University (Branch) in Krasnoyarsk
lyudmila.kozhevnikova@mail.ru

The author reveals the origin and evolution of Russian community, studies the natural historical process of community principles and functions changes in historical dynamics by scientific material, substantiates the dualism of peasant rights, emphasizes the formation of collective basis in community organization and shows its role in the national traditions of the Russian civilization agrarian relations.

Key words and phrases: agrarian relations; national traditions; community; mentality; legal dualism; collective basis; individual basis.

УДК 13+271

В статье актуализируется проблема экспликации и интерпретации понятия «соборность» в современном российском философском дискурсе, которое в процессе секуляризации, в отрыве от православной традиции обрело широкие возможности употребления, утрачивая свой истинный смысл.

Ключевые слова и фразы: соборность; Троица; экклезиология; патристика; межконфессиональный диалог; космизм; современный философский дискурс.

Ирина Семеновна Колесова, к. филос. н., доцент

Кафедра гуманитарных и социально-экономических дисциплин

Уральский государственный педагогический университет (филиал) в г. Новоуральске
ikolesova@mail.ru

ТРАКТОВКА СОБОРНОСТИ В КОНЦЕПЦИИ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОГО ПЕРЕУСТРОЙСТВА РОССИИ Е. С. ТРОИЦКОГО®

За последние десятилетия в России произошли изменения в политическом устройстве, трансформировался экономический уклад, система социально-культурных ценностей российского общества. Остро встала проблема поиска новых ориентиров духовного и социального развития страны, создания современных экономических моделей и политических институтов, адекватных вызовам современности. Для ее решения необходимо обратиться к историческому опыту русской духовной культуры, произвести рациональную реконструкцию и анализ ее ведущих сквозных тем, одной из которых является идея соборности. Многие ученые и общественные деятели видят в соборности ресурсно-мобилизационный механизм для будущего социального и государственного развития России. Ее рассматривают как «генетический код российского социума», фундамент новой российской государственности. В соборности видят стержень, составляющий энергию России и русской культуры, опору, с которой возможно поднять русский дух и обеспечить возможность выживания страны. Эти мысли звучат в работах С. С. Аверинцева, В. В. Горбунова, А. В. Гульги, А. Ф. Замалева, А. Л. Казина, В. И. Курашова, Н. Н. Моисеева, А. С. Панарина, В. Н. Сагатовского, Е. С. Троицкого, Л. Е. Шапошникова, С. С. Хоружего, В. Холодного. Несмотря на возрастающее количество современной научной литературы по проблеме соборности, она до сих пор еще не раскрыта во всей полноте. Автор монографии «Российское общество, природа и космос в свете русской соборности», известный русский философ и политолог Е. С. Троицкий с сожалением отмечает, что соборность как черта русского мирозерцания, стержень национальной духовности «полузабыта». Меж тем она является не только компонентом и основанием русской культуры, но и универсальным понятием, убедительным для других религий, где понятия о ней выражены по-своему. Это создает предпосылки для взаимопонимания и диалога в улаживании межнациональных и межконфессиональных конфликтов. Разделяя мнение автора о перспективной роли соборности в выстраивании межконфессионального диалога, например между культурными ойкуменами христианства и ислама [6, с. 68], мы приветствуем его стремление «больше пропагандировать великие ценности соборности» [10, с. 220]. Ученый, несомненно, прав, когда призывает усиленно работать над соборностью, вскрыть ее духовно-исторические и социальные истоки. Внося весомый вклад в решение приоритетной для многих поколений отечественных обществоведов задачи [Там же, с. 32], Е. С. Троицкий, связывая эмбриональные формы соборности с древнеславянской мифологией, правильно указывает на ее православные истоки [Там же, с. 24-32]. Однако, несмотря на то, что этому вопросу посвящена целая глава, данные указания не сопровождаются глубоким обстоятельным анализом. Его отсутствие привело мыслителя к ложному убеждению, что соборность – родовая характеристика, на основе которой обеспечивается единство людей в рамках некоего рода. Поэтому особое внимание ученый уделяет не церковным, а общественным, человеческим истокам соборности. Действительно, ее многоплановые проявления можно обнаружить в различных